
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. КУРОЧКИН

НЕСОХРАНИВШИЕСЯ ПОВЕСТКИ ПУШКИНА НА ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

3 декабря 1832 года на субботнем собрании Российской Академии ее президент А. С. Шишков вышел с предложением принять Пушкина в действительные члены Академии.¹ 7 января 1833 года поэт был окончательно утвержден этим статусе² и вначале исправно посещал академические заседания.³

Избрание Пушкина совпало с моментом оживленной подготовки третьего издания «Словаря Академии Российской», о необходимости которого он писал в статье «Российская Академия» (1836), с сожалением отмечая: «Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого» (XII, 43). 28 января 1833 года поэт впервые посетил академическое собрание, в протоколе которого записано:

В нынешнее заседание читано было продолжение 15-го корректурного листа Словаря Российского, вновь Академиею издаваемого, также рассматриваемы были замечания и пополнения, сообщенные некоторыми Г. Членами, лист сей предварительно рассматривавшими. Прочитано по слово *Бурка*.⁴

---

¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 37, л. 131–131 об.

² Там же, № 38, л. 2–3.

³ Даты заседаний, присутствие на которых Пушкина отмечено в документах Академии, см.: *Модзалевский Л. Б.* Пушкин — член Российской Академии // *Вестник Академии наук СССР.* 1937. № 2–3. С. 247.

⁴ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 11. Здесь и далее все подчеркивания в архивных документах выделены курсивом.

Если Пушкин воздержался от выступления на заседании, то избранный одновременно с ним П. А. Катенин активно и чересчур эмоционально включился в обсуждение корректуры Словаря, с жаром вступая в спор с оппонентами. На следующий день, 29 января, П. А. Вяземский сообщил В. А. Жуковскому:

Пушкин был на днях в Академии и рассказывал уморительные вещи о бесчинстве заседания. Катенин избран в члены и загорланил там. Они помышляют о новом издании словаря. Пушкин более всего недоволен завтраком, состоящим из дурного винегрета для закуски и разных водок. Он хочет первым предложением своим подать голос, чтобы наняли хорошего повара и покупали хорошее вино французское.⁵

Со слов Пушкина 11 марта об этом же заседании писал Жуковскому и П. А. Плетнев:

Первый спор зашел о слове: бурко. Катенин требовал, чтобы его писали: бурка. Спускать он никому не любит: так что ему значит Петр Иванович Соколов?⁶ И так он начал ему высказывать горькие истины, что он Петр Иванович русский язык знает плохо, что слушать его нечего, а наконец (после завтрака, на котором стоял графин с ерофеичем и бутылка с черным пивом, да кусков пять семги с луком) Катенин открыл за новость Соколову, что самому ему пятый десяток, что служил он в гвардии и давно полковник и проч. Вы можете представить, как это забавляет Пушкина, который также член Российской Академии, и следственно безденежно, даже с барышем монеты в четвертак,⁷ может слушать их и глядеть такую комедию.⁸

Над чем смеялся Пушкин, передавая подробности собрания Вяземскому и Плетневу, какие аргументы предлагали участники дискуссии для подкрепления своих мнений? Подробности спора мы можем почерпнуть из письма к Катенину графа Д. И. Хвостова, который присутствовал на заседании 28 января. Письмо не имеет даты. Судя по содержанию, оно написано спустя несколько дней по-

---

⁵ Русский архив. 1900. Кн. 1. № 3. С. 369.

⁶ П. И. Соколов — непрменный секретарь Российской Академии.

⁷ За присутствие на заседаниях их участникам выдавались жетоны, которые оплачивались.

⁸ Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 526—527.

сле собрания, однако неизвестно, было ли отослано. В архиве графа письмо сохранилось в писарской копии:

Почтенному сочлену Павлу Александровичу Катенину <так!>. Вопрос суждения на прошедшей неделе в субботу состоял в том, что *Сивко*, *бурко* по грамматике мужеского или женского рода. Заглавие самой сказки, по мнению моему, удостоверяет, что *Сивко*, *Бурко* и даже *Коурко* склоняются в мужеском роде, и кончатся <так!> на литеру *О*, а не на литеру *А*, ибо заглавие говорит: *сказка о коне Сивом, буром и пр. Вещая Коурка*, как находится во многих списках, может быть ошибкою сказочника или опискою переписчиков, или привычкою, получившею всеобщее употребление по недостаточному преданию. Возражение, что лошадь, кобыла и Вещая — суть рода женского, не есть доказательство достаточное. Мы ныне говорим *вещая птица*, и равномерно употребляем: *Вещий коршун* и *вещий Сокол*. И лошадь, и кобыла — суть только виды известного домашнего животного. И, следственно, мне кажется, можно писать и печатать беспогрешительно *Сивко*, *бурко*, *вещий коурко*.⁹

Катенин и в дальнейшем деятельно участвовал в работе Академии. 8 февраля он писал Пушкину:

Как думаешь, любезнейший Александр Сергеевич? не лучше ли вместо отчета о полвеке Академии,¹⁰ который бы приличнее старому служивому, написать мне к великому дню 21-го октября Обзор российской словесности в осмнадцатом столетии? он может, кажется, выйти и для пишущего и для слушающих приятнее. Хотелось бы посоветоваться с тобой насчет источников, пособий и пр. Нужно перемолвить. Не можешь ли завернуть ко мне? я буду дома, когда велишь. Во всяком случае, надо быть в заседании субботы на первой неделе поста, когда я уже с позволения старца Шишкова прочту вслух известное предложение; но еще прежде не худо потолковать. Несмотря на твои измены, весь твой

Павел Катенин
(XV, 47).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 322, № 47, л. 3—3 об. Черновик приведенного письма, записанного под диктовку графа одним из его секретарей, см.: Там же, № 79, л. 31.

¹⁰ В 1833 году исполнялось 50 лет с момента учреждения Российской Академии.

Если начало записки, где Катенин говорит о неосуществленном замысле литературного обзора к юбилею Академии, получило толкование в издании избранной переписки Пушкина,¹¹ то окончание письма осталось не прокомментировано. Неизвестно, как Пушкин отреагировал на просьбу Катенина о встрече.¹² Обратим внимание на даты присутствия Пушкина в Академии. По воспоминаниям Катенина, «сначала довольно усердно посещал он <Пушкин> ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о Словаре ему наскучили».¹³ Можно заключить, что произошло это достаточно скоро: уже после второго заседания Пушкин пожаловался Катенину, что академические собрания ему не интересны и впредь он отказывается от их регулярного посещения. Поэтому Катенин заранее и просил Пушкина быть на заседании в первую неделю Великого поста, предполагая, что на следующих собраниях может его не увидеть. Действительно, посетив заседания 28 января и 4 февраля, Пушкин отсутствовал на двух следующих — 11 и 18 февраля — и только 25 февраля появился снова. Вероятно, одной из «измен», о которых Катенин писал в записке, была пассивность Пушкина на академических заседаниях, отсутствие поддержки с его стороны. С. П. Шевырев вспоминал: «Катенин имел огромное влияние на Пушкина; последний принял у него все приемы, всю быстроту своих движений; смотря на Катенина, можно было беспрестанно вспоминать Пушкина».¹⁴ То же отмечал и М. П. Погодин в своем дневнике 27 марта 1834 года: «Слуш<ал> Катенина. Прототип, по наружности, Пушкина».¹⁵ Однако сам Катенин на заседаниях Российской Академии уже не находил у Пушкина прежнего, схожего с его собственным, темперамента. Всерьез намереваясь составить оппозицию старой академической братии, Катенин все же рассчитывал, что Пушкин проявит солидарность, поэтому приглашал его к себе для обсуждения насущных вопросов. Пушкин же не предполагал участвовать в прениях. Он понимал, что его консолидация

---

¹¹ См.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 221 (примеч. И. Б. Мушиной).

¹² С. Л. Абрамович предположила, что «Пушкин сразу же откликнулся на просьбу Катенина и зашел к нему потолковать о его планах» (Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994. С. 86).

¹³ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 190.

¹⁴ Майков Л. Н. Воспоминания Шевырева о Пушкине // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 331.

¹⁵ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. 23—24. С. 119.

с импульсивным и часто несдержанным в высказываниях Катениным не принесет пользы обсуждению нового издания Словаря, а приведет лишь к конфликту с другими членами. И последствия выступлений Катенина не заставили себя долго ждать. На субботнем заседании 29 апреля 1833 года дело дошло до серьезного столкновения его с протоиереем Казанского собора П. Н. Мысловским и Соколовым. Все началось с того, что Катенин и Мысловский разошлись во мнениях по определению значения слова «бюро». Свое видение произошедшего инцидента Катенин изложил 1 мая в письме к Соколову,¹⁶ которому пенял за то, что тот спровоцировал конфликт:

Все это довольно маловажно и не произвело бы ничего, кроме определения в словаре, более или менее точного, если б вы не рассудили за благо сказать мне род нравоучения за то, что я будто бы имею привычку кричать, и хотя я тут же очень тихо отвечал, что я, напротив, молчу довольно долго, слушая вас, вы продолжали, и тем вынудили меня объявить, что такого уровня уроки могут точно довести до того, что и закричу. За сим вслед вмешался в речь г. Мысловский, не ради примирения, что бы приличнее было сану его, но с требованием что-то обо мне записать в журнал, а как прочие члены явно ничего подобного не хотели, то он, поговоря с вами в другой комнате, с досадою ушел, и заседание прежде времени кончили.¹⁷

Ссылаясь на параграфы устава Академии, Катенин заявляет:

Академики собираются затем, чтобы дружелюбно, общими силами и свободным прением, без всякой мзды и корысти, трудиться в пользу языка.¹⁸

Пушкин, хотя и не присутствовал на собрании 29 апреля, безусловно, знал о конфликте. И данный случай столкновения Катенина с другими участниками заседаний не был единственным. О ситуации, сложившейся в Академии с появлением Катенина, Пушкин рассказал братьям Языковым, когда 29 и 30 сентября 1833 года гостил в их симбирском имении.¹⁹ Об этом средний из братьев Язы-

¹⁶ См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 89—91, 495.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Там же. С. 90—91.

¹⁹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4: 1833—1837. С. 97; Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т.

ковых, Александр Михайлович, 1 октября сообщил В. Д. Комовскому — младшему брату лицейского товарища Пушкина:

Мы от него <Пушкина> первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толкачей, иереев и моряков. Во второй уже раз дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов, непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего: зло посреди их; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго.²⁰

Можно предположить, что первое время Пушкин пропускал академические заседания еще и по причине активных выступлений на них Катенина, дабы избежать невольного участия в противостоянии сторон.

Вернемся вновь к событиям марта 1833 года. В своей записке Катенин просил Пушкина непременно быть на заседании в первую неделю Великого поста, которое приходилось на 4 марта. У Пушкина была причина пропустить его, и в тот день в Академии он не появился. Заглянем в протокол собрания, где отмечено следующее:

Член Академии Павел Александрович Катенин читал сделанное им объяснения <так!> глагола *Быть* в разных его знаменованиях, с присовокуплением приличных к тому примеров и изречений. Гг. Члены, присутствовавшие в заседание <так!>, положили напечатать в нескольких экземплярах сего объяснения для доставления Гг. Членам, кому из них благоугодно будет сделать свои замечания или дополнения.²¹

Ожидая присутствия на заседании Пушкина, Катенин в качестве «примеров и изречений» для объяснения глагола «быть», возможно, предполагал процитировать свою «Старую быть» («Наш славный Владимир, наш солнышко-князь...», 1828) и обращенное к Пушкину посвящение — «Вот старая, мой милый, быть, / А может быть, и небылица...», о чем последний, зная тему выступления, мог догадаться. В «Старой были», представляя соперничество двух

1826—1837. М., 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833—1834. С. 185—186. (Пушкин в XXI веке. Вып. 10).

²⁰ Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине: (К материалам для его биографии) // Исторический вестник. 1883. № 14. С. 537.

²¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 21—21 об.

певцов, Катенин под восхвалявшим князя и одержавшим победу в состязании греком, получившим в награду коня, доспехи и оружие, подразумевал Пушкина, по его мнению превозносящего Николая I в стихотворениях «Стансы» («В надежде славы и добра...», 1826) и «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...», 1828). И здесь Катенин тоже видел «измену». Себе же он отводил роль отказавшегося от состязания русского певца, которому достался кубок. В посвящении он предлагал Пушкину испить из него, иронизировал над историографом Н. М. Карамзиным, директором Публичной библиотеки, президентом Академии художеств и археологом А. Н. Олениным, «младыми романтиками» и всячески пытался завуалировать истинный смысл стихотворения. Однако Пушкин разгадал его замысел. Он опубликовал «Старую быль» без посвящения²² и десятками страниц далее — свой саркастический «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...», 1828).²³ Кроме самого адресата, его никто не смог бы связать со «Старой былью», к негодованию ее автора.²⁴ Позднее в своих воспоминаниях Катенин представил этот эпизод так:

Еще до отъезда²⁵ показывал я ему же, милому А. С., начало «Старой были», почти не решаясь окончить; он, напротив, очень хваля сделанное, убеждал непременно доделать. Сотворив наконец по его воле осенью 1828 года, вздумал я ему посвятить; написал послание в стихах для света и простое письмо в прозе собственно для него, отправил все вместе; ответа не было, оттого ли, что он не озаботился, или что письмо пропало: не знаю. В январе 1829-го получил я от издателей альманаха «Северные цветы»; в нем нашел сообщенную Пушкиным при записке «Старую быль» и ответ его на

---

²² Катенин П. А. Старая быль // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 33—45. Публикация сопровождается примечанием: «За стихотворение сие обязаны мы А. С. Пушкину, который доставил нам оное при следующем письме: “П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши Северные Цветы”» (Там же. С. 33).

²³ А. П. [Пушкин А. С.]. Ответ Катенину // Там же. С. 120.

²⁴ См. об этом: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 73—85; Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 153—155; Довгий О. Л. «Ответ Катенину» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27. С. 115—119; Муравьева О. С. Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...», 1828) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3: А—О. С. 561—565.

²⁵ Имеется в виду отъезд Катенина в свое имение Шаево Кологривского уезда Костромской губернии.

Послание, а Послания не было, отчего и ответ выходил не совсем понятен. Несколько лет спустя я спросил у него: отчего так? Он отговорился тем, что, посылая «Быль» от себя, ему неловко показалось приложить посвящение с похвалами ему же. Я промолчал, но ответ показался мне не чист; похвалы мои были не так чрезмерны, чтобы могли ввести в краску авторскую скромность, и я догадался, в чем истинная причина: шутка слегка над почтенным Историографом, и над почтенным Археологом, и над младыми романтиками — вот что затруднило милого А. С. Он боялся, напечатав мои дерзости без противуречия, изъять род согласия и оставил под спудом. Найденные после смерти в бумагах его стихи мои были помещены в «Современнике»,²⁶ хотя уже гораздо ранее напечатаны в моих сочинениях,²⁷ вслед за «Старой былью», к которой относятся.²⁸

Как бы то ни было, однажды Пушкин уже сумел устраниться от полемики с Катениным. Так поступал он и теперь, пропуская академическое заседание, чтобы избежать возможного, уже публичного, объяснения, изъяви Катенин желание взять реванш и прочитать «Старую быль» вместе с посвящением. Между тем в рецензии на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», датированной 14 марта 1833 года, Пушкин особо выделил «Старую быль», «где столько простодушия и истинной поэзии» (XI, 221).

Соколов, как и после его кончины занявший место непременно секретаря Академии Д. И. Языков, вели регулярную переписку с участниками заседаний, которых заблаговременно извещали о собраниях, где планировалось обсуждение важных вопросов или должен был состояться выбор новых членов и требовалось провести голосование. С этой целью действительным членам рассылались особые печатные повестки. Отсутствовавшие на заседаниях, где проходил выбор новых членов, получали от секретаря уведомления о необходимости прислать свое согласие или отказ по предложенным кандидатам. Так, сохранился черновик пушкинского письма к Соколову, датированного в Большом академическом собрании сочинений поэта концом (после 27-го) мая — началом июня

²⁶ [Катенин П. А.]. Александрю Сергеевичу Пушкину // Современник. 1837. Т. 6. С. 174—177.

²⁷ Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына. Ч. 1: Сочинения. СПб., 1832. Пушкин содействовал появлению издания. В нем следом за «Старой былью» (с. 85—97) помещено и посвящение — послание «А. С. Пушкину» (с. 98—100).

²⁸ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине. С. 188—189.

1833 года,²⁹ в котором поэт отдает свой голос за сенатора и поэта Д. О. Баранова (см.: XV, 63), а также письмо Языкова к Пушкину от 4 октября 1835 года (см.: XVI, 53—54) с просьбой сообщить свое мнение о кандидатурах В. М. Перевошикова и В. Г. Анастасевича.

По свидетельству Катенина, отказавшись от постоянных посещений Академии, Пушкин на заседаниях «показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых».³⁰ Первые выборы, в которых поэту предстояло принять участие, состоялись 11 марта 1833 года. В числе других действительных членов Академии он был извещен об этом печатной повесткой. В бумагах поэта она не сохранилась, и до последнего времени о ней не было известно. Между тем экземпляр этой повестки сохранился в архиве Хвостова. Приведем ее текст:

В будущее собрание Императорской Российской Академии, сего Марта 11 числа, в 11-ть часов до полудня, назначено быть выбору в Действительные Члены оной; о чем ГГ. Членам Российской Академии сим почтеннейше извещается.

Марта 9³¹ дня
1833 года.

<Ниже, от руки, на свободной части листа:>

1. Избираются Статский Советник Павел Петрович Свиньин, издатель Отечественных Записок и сочинитель романов Якума и Шемяки.

2. Владимир Иванович Панаев, Коллежский Советник, известный мастер писать Идиллии.

3. Борис Михайлович Федоров, Трудолюбивой Автор, сочинитель Детских Книжек, и доселе обещающий романа Курбский.³²

Ряд других документов архива Хвостова написан тем же почерком одного из его секретарей. Надо полагать, граф сам продиктовал

²⁹ Датировка письма была уточнена: «1833. Май, после 27...Июнь, до 8» (см.: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. Кн. 2. С. 100).

³⁰ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине. С. 190.

³¹ Число вписано.

³² РО ИРЛИ, ф. 322, № 79, л. 48. Извещение находится в особой рукописной книге, составленной по большей части из писем к Хвостову за 1833 год, и аннотировано графом так: «Повестка Российской Академии о <6> избирательном собрании в Члены» (Там же, л. 1 об.).

Въ будущее собраніе Императорской Россійской Академіи, сего Марша 11 числа, въ 11-нѣ часовъ до полудня, назначено быти выбору въ Дѣйствительные Члены оной; о чемъ Г.Г. Членамъ Россійской Академіи симъ почтеннѣйше извѣщается.

Марша 9 дн
1853 года.

1. Александръ Степанъ Савицъ
и князь Павелъ Петровичъ Свиньинъ
и датчикъ отечественныхъ Записокъ и
сочинителъ романовъ Якуса и Ше-
мяки.
2. Владимиръ Ивановичъ Манасъ Ко-
ндреевъ Саввинъ, ивѣстнѣйшій писатель
описаній Иллиніи.
3. Борисъ Ивановичъ Орловъ Муравинъ
Байонъ и авторъ, сочинителъ Эпиграмъ
Книжечекъ и до сихъ обшарившій романа
Курбскій.

Повестка на заседание Российской Академии 11 марта 1833 года
(РО ИРЛИ, ф. 322, № 79, л. 48)

пояснение к повестке, дав краткую оценку литературных заслуг кандидатов. П. П. Свиньин — писатель, историк, художник, академик Академии художеств, собиратель произведений искусства и исторических редкостей в основанном им «Русском музее», журналист, издатель «Отечественных записок» (1818—1830). В сфере литературного творчества он характеризуется как автор романов «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж» (1830)³³ и «Шемякин суд,

³³ Роман вышел без имени автора на титульном листе. Вероятно, произведение было плодом совместного творчества Свиньина и А. К. Бошняка (1786—

или Последнее междоусобие удельных князей русских» (1832). В. И. Панаев получил известность своими стихотворениями, составившими сборник «Идиллии» (1820). Б. М. Федоров к моменту избрания в члены Российской академии успел проявить себя на ниве воспитательной литературы для маленьких читателей: выпустил сборники «Детский цветник» (1827—1828), «Детские стихотворения» (1829) и «Детский театр» (1830—1831), издавал журнал «Новая детская библиотека» (1827—1829, 1831). Его исторический роман «Князь Курбский» увидит свет в 1843 году.

Между тем Пушкин получил повестку на субботнее собрание 11 марта 1833 года и присутствовал на нем. В протоколе заседания отмечено:

Слушано данное сего числа Императорской Российской Академии Г. Президентом оной предложение следующего содержания: «На порожние места Членов, не благоугодно ли будет поместить следующих особ: 1) Коллежского Советника Владимира Ивановича Панаева, 2) Статского Советника Павла Петровича Свиньина и 3) Титулярного Советника Бориса Михайловича Федорова. Первый из них по сочинениям своим известен. О долговременных и полезных трудах второго прилагается при сем записка, третий как прежде представлял, так и ныне вновь представляет в Академию также многие долговременные и полезные свои труды».³⁴

Пушкин выразил согласие на принятие в действительные члены всех трех кандидатов, и по итогам общего голосования вопрос по их избранию был решен положительно.

Со временем Пушкин все реже стал посещать субботние заседания Академии. Спустя год избранный при его участии Свиньин заявил о распродаже коллекции своего «Русского музеума» на аукционе. 22 марта 1834 года он обратился к Шишкову с письмом, в котором предлагал Российской Академии приобрести собранные им раритеты:

При наступающей продаже с аукциона Русского Музеума, конечно, всего прискорбнее будет для доброго патриота видеть, как разойдется по рукам драгоценное собрание *рукописей* и редких *книг* до России касающихся, на которые имеется много охотников и кои, без сомнения, пойдут высокою ценою. Но если Российской

1831), известного своим доносом на декабристов и докладной запиской о Пушкине.

³⁴ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 25—25 об.

Академии угодно было приобрести оные для своей библиотеки, то я бы уступил те и другие по аукционной цене, за 6000 рублей, считая себя сугубо вознагражденным за пожертвование свое мыслию, что Собрание мое, стоившее мне величайших трудов и иждивения, не расстроится, не исчезнет, а будет принадлежать столь знаменитому сословию, каково Российская Академия, и составит значительное приращение ее богатому книгохранилищу. <...> Я беру смелость предложить еще для приобретения Российской Академии мозаический портрет Петра Великого, трудов знаменитого преобразователя Российского слова — Михайла Васильевича Ломоносова. Подобное произведение сего поэта-художника находится только в Правительствующем Сенате, коему пожаловала его Императрица Елизавета Петровна. Сей же портрет принадлежал Графу Разумовскому и куплен мною от графа Гудовича за 1500 рублей.³⁵

В комментарии к неосуществленному изданию иллюстрированного каталога «Русского музеума» его владелец излагал подробности приобретения им мозаичного портрета Петра Великого так:

Ломоносов <...> как славный химик, изобрел саму массу, подобную стеклу прозрачностью и глянцем, принимающую самые яркие цвета; удобно мог разделить ее на кубические кусочки и сам же изобрел и нужную для мозаичной работы мастику. <...> Им созданы были три мозаики сего государя, из коих одна подписана императрице Елизавете Петровне, и отправлена Ею в Сенат, другая канцлеру гр. Воронцову³⁶ и находится теперь в Коллегии иностранных дел, и третья, наконец, тогдашнему фавориту гр. Разумовскому. Графиня Разумовская подарила сию драгоценность гр. М. В. Гудовичу, как любителю художеств, а мною приобретена она на Аукционе, бывшем в 1822 году, на коем продана за долги вся галерея, доставшаяся по духовной гр. Петру Васильевичу Гудовичу.

Я купил сию бесценную редкость за 286 рублей, и это оттого, что большая часть из присутствующих не знала имя художника, а другие не торговались, узнав желание мое приобрести.³⁷

³⁵ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 215—216.

³⁶ Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767) с 1744 года был вице-канцлером, в 1758—1765 годы — канцлером Российской империи.

³⁷ Цит. по: Корнилова А. В. Художественная жизнь // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. Л—Я. СПб., 2005. С. 372. Если довериться свидетельству Свинына, то история бытования принадлежавшего ему мозаичного портрета Петра Великого работы Ломоносова вырисовывается следующим образом. Сначала портрет оказался у фаворита императрицы Елиза-

В письме к Шишкову Свиньин указал значительно большую цену приобретения им портрета Петра Великого. Думается, он обратился в Российскую Академию, не только проявляя заботу о сохранении целостности коллекции, но и преследуя собственную материальную выгоду.

Пушкин посещал «Русский музей» Свиньина, который размещался в его квартире в доме И. Ф. Жербина у Михайловского дворца.³⁸ Осматривая рукописное собрание, поэт атрибутировал записку светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, оставив на ней карандашную пометку: «Потемки<нть>».³⁹ В период работы Пушкина над «Историей Пугачева» (1833—1834) у него находилась копия записок статс-секретаря Екатерины II Александра Васильевича Храповицкого, полученная от Свиньина.⁴⁰ С этим бы-

---

веты Петровны — графа Алексея Григорьевича Разумовского. Затем — у его брата — Кирилла Григорьевича — генерал-фельдмаршала, последнего гетмана Войска Запорожского, президента Императорской Академии наук и собирателя произведений искусства. Однако едва ли совсем еще молодому Михаилу Васильевичу Гудовичу, получившему графский титул лишь в 1809 году, портрет подарила супруга К. Г. Разумовского — Екатерина Ивановна, урожденная Нарышкина. Их дочь Прасковья Кирилловна не по своей воле стала женой генерала Ивана Васильевича Гудовича, графа с 1797 года, единокровного брата М. В. Гудовича, которому она и могла передать петровский портрет. Но более вероятно, что под «графиней Разумовской» подразумевалась Софья Осиповна Апраксина, урожденная Закровская — дочь Анны Григорьевны Разумовской, сестры А. Г. и К. Г. Разумовских. Она имела большое влияние на дядю, Кирилла Григорьевича, и безраздельно хозяйничала в его многочисленных владениях. О властной, корыстной и хитрой Апраксиной ее родственники отзывались весьма не лестно. «Из всех семейных историй самая крупная — это история Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватает духа говорить об ней. <...> Никогда женщина эта не была наглее, бесстыднее, и в более открытых отношениях кое к кому, и никогда ее лучше не принимали, более не ласкали, усерднее за нею не ухаживали» (цит. по: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских: В 5 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 350*), — так характеризовала Апраксину ее двоюродная сестра Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная Разумовская, — родственница Н. Н. Пушкиной. Софья Осиповна могла присвоить портрет и подарить его жившему на правах родственника во дворце К. Г. Разумовского в Батурине «любителю художеств» М. В. Гудовичу, к которому благоволила. По завещанию последнего, умершего холостым, его имущество перешло к брату — Петру Васильевичу. В 1822 году оно было выставлено на аукцион, где Свиньин и купил мозаику (см.: *Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. 1829 года. СПб., 1829. С. 19*).

³⁸ Современный адрес: участок д. 2 на площади Искусств.

³⁹ См.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 706.*

⁴⁰ См.: *Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. 1829 года. С. 129.*

ли связаны два его письма к Пушкину. В первом, датированном 19 февраля 1833 года, Свиный сочиняет следующую историю:

Медленность в доставлении вам, милостивый государь Александр Сергеевич, прилагаемой при сем рукописи, произошла ни от чего другого, как от невозможности отпереть мой музей за потерю ключа: неделю искали его, а другую приделывали. Я уже написал и в деревню о присылке самого оригинала Храповицкого; впрочем, это самая верная с него копия, с которой печатались эти записки у меня в журнале.

Воображаю сколько любопытно будет обозрение великой царицы, нашего золотого века или, лучше сказать, мифологического царствования под пером вашим. Право, этот предмет достоин вашего таланта и трудов.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

вашим покорнейшим слугою
Пав<ел> Свиный
(XV, 48).

В 1821—1828 годах Свиный частично опубликовал записки Храповицкого в своих «Отечественных записках», как сам и утверждает — по копии, но по той лишь причине, что подлинной рукописью он не владел. Она хранилась у племянника Храповицкого — Н. В. Сушкова. Поэтому не случайно Свиный стал прототипом «маленького лжеца» Павлуши в пушкинской «Детской книжке» (1830). Собирая материалы для истории Пугачевского восстания, Пушкин утаил от Свиного истинную причину своего обращения к запискам Храповицкого, объяснив это интересом к екатерининской эпохе. Хотя Свиный и приветствовал историографические занятия Пушкина, но, думается, все же видел в нем соперника, поскольку сам работал над историей Петра Великого. В письме к военному историку генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому от 14 апреля 1832 года он довольно скептически отзывался о Пушкине как историографе:

Неужели Пушкин решился взяться за сию обузу? Другое дело, если б он написал поэму вроде «Генриады»⁴¹ или «Владимира»⁴². Я уверен, что автор «Бахчисарайского фонтана» превзошел

⁴¹ «Генриада» (1723) — эпическая поэма Вольтера (1694—1778) о короле Генрихе IV.

⁴² «Владимир» (1797) — эпическая поэма М. М. Хераскова (1733—1807), в первой редакции имевшая название «Владимир Возрожденный»

бы Вольтера и Хераскова, но сочинитель «Повестей Белкина» не обещает быть достойным историком великого Петра, где нужен не один слог, но глубокомыслие, постоянство и — терпение.⁴³

Во втором письме к Пушкину, дошедшем до нас с утратой части текста из-за оторванного угла листа, Свиньин писал:

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Надеюсь, вы простите моей докучливости в уважение малого времени, которое остается мне жить в Петербурге, а в это малое время мне хотелось бы кончить с изданием Храповицкого Записок! Сделайте одолжение, пришлите мне с подателем сей манускрипт, я усердно займусь *примечаниями*, тем более, если вы потрудились отне<тить> те места, которые требуют оных по <вашему> мнению. Для дальнейшего объяснения я <явлюсь> <?> <к> вам завтра часу в 1-м, если вы будете <дома и> ли не пожалуете ли вы ко мне сегодня? <До...> часов буду ожидать вас.

<Ес> ли вам не нужна рукопись de Leria,⁴⁴ то <покорнейш>е прошу также возвратить мне ее с пода<телем сего и> верить чувствам совершенного почтения

Вашего покорнейшего слуги

Пав<ла> Свиньина

(XV, 113).

В Большом академическом собрании сочинений Пушкина письмо датировано первой половиной 1833 года — февралем 1834 года. Позднее датировка была уточнена и сужена: «1834. Январь... Март (?)»⁴⁵ и «1834. Январь...Февраль (?)», с ошибочным указанием, что рукопись Храповицкого была продана с аукциона, на-

(1785), об обретении истинной веры будущим крестителем Руси святым Владимиром Святославичем.

⁴³ Сапожников А. И. Письма П. П. Свиньина к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1830—1837) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 445.

⁴⁴ Имеется в виду Джеймс Фрэнсис Фитц-Джеймс Стюарт (1696—1738) — 2-й герцог Бервик и 2-й герцог де Лириа-и-Херика, внук английского короля Якова II Стюарта, испанский посол при русском дворе, и его «Дневник», который он привез из России. Рукопись хранилась в семье герцога и не предназначалась для публики. Согласно одному предположению, некий российский дипломат, аккредитованный в Испании и знакомый с родственниками герцога, скопировал часть дневника, посвященную России. Потом этот текст под названием «Extrait du journal du Duc de Leria» разошелся по России в списках.

⁴⁵ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 146.

чавшегося 31 марта 1834.⁴⁶ Однако еще 22 марта, до проведения торгов, свое рукописное собрание, в которое входили и записки Храповицкого, Свињин предложил Российской Академии, которая их и приобрела.

Намереваясь продать предметы своего музея и перемещая их в выставочный зал при космораме Л. Палацци в доме на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка,⁴⁷ где должен был состояться аукцион, Свињин предварительно собрал их вместе. Наверняка он просил Пушкина возвратить находившиеся у него рукописи до того, как все экспонаты «Русского музеума», в том числе и купленные впоследствии Российской Академией, будут представлены на всеобщее обозрение. Поэтому Свињин так спешил с возвратом копии записок Храповицкого и одновременно просил отдать принадлежавшую ему рукописную копию выписки из дневника герцога де Лириа.⁴⁸ Отъезд из Петербурга и намерение составить примечания к запискам служили для Свињина лишь предлогом, чтобы поскорее получить свои рукописи. Критически оценивая будущий труд Пушкина-историографа, Свињин не мог не понимать, что тот, как работающий с архивными документами историк-исследователь, обладал обширными фактологическими сведениями. Вспомним, как поэт однажды атрибутировал записку Потемкина. Так и в данной ситуации Свињин не упустил случая обратиться к нему с просьбой отметить в рукописи неясные места, наверняка лелея надежду получить их объяснение, что повысило бы ценность выставляемого на продажу раритета.

Когда все экспонаты были собраны вместе, в печати появилось уведомление, что «в заведении Г. Палацци» выставлен «Русский Музеум. Г-на Статского Советника и Кавалера Павла Петровича Свињина. Галерея иностранных классических картин и разных редкостей, достойных особенного примечания», открытый «ежедневно, от 10 часов утра до 5 пополудни. Цена за вход в музеум 1 рубль. Дети платят половину».⁴⁹ А спустя некоторое время в газетах про-

⁴⁶ См.: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. Кн. 2. С. 285—286.

⁴⁷ Современный адрес: угловой участок д. 16 на Большой Морской улице и д. 8 в Кирпичном переулке.

⁴⁸ См.: Краткая опись предметов, составляющих Русский музеум Павла Свињина. 1829 года. С. 127. Рукописная копия выписки из дневника герцога де Лириа, бывшая в коллекции Свињина, не попала в число раритетов, приобретенных Российской Академией, и позднее оказалась у историка К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897).

⁴⁹ Прибавление № 35 к Санктпетербургским ведомостям. 1834. 11 февраля. С. 272.

Членъ Академіи Статскій Совѣтникъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ сдѣлалъ предложеніе Россійской Академіи пріобрѣсть для ея книгохранилища собраніе рукописей и рѣдкихъ иностранннхъ книгъ, до Россіи касающихся за 6000 рублей и мозаическій поршрешъ Петра Великаго, работы Ломоносова за 1000 рублей.

Президентъ Академіи проситъ ГГ. Членовъ пожаловать въ Собраніе Академіи, имѣющее бытъ 31-го числа сего Марта, въ слѣдующую Субботу, для сужденія по сему предмету.

Марта
1834.

*Повестка на заседание Российской Академии 31 марта 1834 года
(РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 58)*

шла информация о предстоящем аукционе, что теперь «музей можно видеть ежедневно без всякой платы за вход»,⁵⁰ и все раритеты «выставлены уже в совершенном порядке».⁵¹ В соответствии со временем первого объявления о представленных в зале Палатки экспонатах «Русского музеума», конечная дата написания Свиньиным письма к Пушкину может быть уточнена: «1834. Февраль, до 11».

Между тем 24 марта 1834 года в протокол академического заседания, на котором Пушкин не присутствовал, был внесен следующий пункт:

Член Академии Г. Статскій Советник Павел Петрович Свиньинъ сдѣлалъ предложеніе Академіи Россійской, не благоугодно ли ей будетъ пріобрѣсть для ея книгохранилища 1-е) Собраніе рукописей и рѣдкихъ иностранннхъ книгъ, до Россіи касающихся (в числѣ ру-

⁵⁰ [Б. п.]. Воспоминания о Русском Музеуме // Северная пчела. 1834. № 51. 6 марта. С. 203.

⁵¹ М. Р. [Резвой М. Д.]. Несколько слов о Русском музеуме // Санктпетербургскіе ведомости. 1834. № 61. 15 марта. С. 236.

кописей между прочими находятся: <...> Памятные записки Храповицкого) <...> за 6000 руб.; и 2.) Мозаический портрет Петра Великого работы Ломоносова за 1000 руб. Г. Президентом и Собранием определено: уведомляя о сем особыми повестками Гг. Членов Академии, просить их пожаловать в Собрание, имеющее быть в следующую Субботу, 31-го сего Марта, для суждения по сему предмету. Исполнения <так!> сего определения поручено Секретарю Академии.⁵²

Во исполнение определения президента и академического собрания Соколов разослал действительным членам повестки на заседание 31 марта 1834 года. В архиве Хвостова сохранился экземпляр этой печатной повестки, которую должен был получить и Пушкин. Текст ее гласит:

Член Академии Статский Советник Павел Петрович Свиный сделал предложение Российской Академии приобрести для ее книгохранилища собрание рукописей и редких иностранных книг, до России касающихся за 6000 рублей и мозаический портрет Петра Великого, работы Ломоносова за 1000 рублей.

Президент академии просит Гг. Членов пожаловать в Собрание Академии, имеющее быть 31-го числа сего Марта, в следующую Субботу, для суждения по сему предмету.

Марта
1834.⁵³

По-видимому, повестки были разосланы действительным членам Академии одновременно с отправкой им комплектов «Собрания сочинений и переводов» А. С. Шишкова.⁵⁴ В протоколе заседания 10 февраля 1834 года записано: «...сто экземпляров оставить при Академии для раздачи Господам Членам, как скоро 16-я часть кон-

⁵² СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 25 об.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 58. Дата не вписана. На обороте листа писарской рукой: «Его Сиятельству Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову. № 3». Извещение находится в рукописной книге, составленной из входящей корреспонденции Хвостова за 1834 год, и аннотировано следующим образом: «Повестка из Российской Академии о предложении президента учинить вспомоществование члену Павлу Петровичу Свиному относительно продажи редких вещей его музея» (Там же, л. 2 об.).

⁵⁴ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена: В 16 ч. СПб., 1818—1834.

чится печатанием...»⁵⁵ Граф Хвостов получил свой экземпляр при следующем сопроводительном письме Соколова:

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович.

Имею честь препроводить при сем Вашему Сиятельству, яко Действительному Члену Императорской Российской Академии, один экземпляр изданного ею *Собрания Сочинений и Переводов А. С. Шишкова*, и с его портретом.

Пользуясь сим случаем, покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и таковой же преданности, с коими пребуду навсегда

Вашего Сиятельства
Покорнейшим слугою
Петр Соколов.

№ 45.

26 марта 1834.

Его Сиятельству Графу
Д. И. Хвостову.⁵⁶

Вполне допустимо, что и Пушкину 26 марта вместе с повесткой на субботнее заседание 31 марта Соколов мог отправить комплект шишковского «Собрания сочинений и переводов». Пушкин входил в число попечителей малолетней Софии Шишковой — дочери своего хорошего знакомого, покойного племянника президента Академии, поэта и переводчика Александра Ардалионовича Шишкова.⁵⁷ В пользу девочки и должны были пойти средства от продажи «Собрания». Известно, что 7 июня 1834 года Пушкин приобрел в книжной лавке А. Ф. Смирдина один комплект этого издания за 50 рублей.⁵⁸ В библиотеке поэта сохранились части 2—15.⁵⁹ Пушкин принял деятельное участие в организации издания за счет Академии произведений и самого А. А. Шишкова.⁶⁰

⁵⁵ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 12 об. В 1839 году выйдет последняя, 17-я часть.

⁵⁶ РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 57. Все письмо написано писарским почерком, идентичным почерку на обороте повестки на заседание 31 марта; рукой Соколова — только: «Покорнейшим слугою. Петр Соколов».

⁵⁷ См.: Северная пчела. 1834. № 66. 23 марта. С. 261—262.

⁵⁸ См.: Оксман Ю. Г. К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 445.

⁵⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 116—117. № 430.

⁶⁰ Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: В 4 ч. СПб., 1834—1835.

Однако на собрании 31 марта, которое Пушкин пропустил, о предложении Свинына не говорили. В протоколе значится: «По причине малого числа Членов, в нынешнее заседание присутствовавших, о покупке предлагаемых Академии Г. Ст<атским> Сов<етником> Свиныным рукописей, книг и проч. <...> никакого суждения не было».⁶¹ Только на следующем заседании Академии, 7 апреля, где поэт также отсутствовал, было принято положительное решение: «...Г. Президентом и Собранием определено: предложенные Г. Статским Советником Свиныным рукописи и печатные книги на разных языках, до Российской Истории касающиеся, числом всего 201 номером <...>, также и мозаичский портрет Петра I-го работы М. В. Ломоносова, приобрести покупкою...»⁶²

Как представляется, Пушкин знал подробности приобретения Академией раритетов из собрания Свинына. 10 апреля 1834 года он сделал дневниковую запись о вечере, проведенном накануне у другого действительного члена Академии — С. С. Уварова: «Говоря о Свиныне, предлагающем Р.<оссийской> Академии свои манускрипты XVI-го века, Ув<аров> сказал: Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свинын продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков» (XII, 325). Окончание фразы не получило объяснения в собраниях сочинений и изданиях пушкинского дневника.

В любом деле Свинын искал выгоду и использовал способности юных дарований в личных интересах. Д. Н. Свербеев вспоминал:

О Свиныне как о живописце рассказывали, что он открыл, собственно для себя, самый легкий способ писать картины. Он был пейзажист, и, начертив в своем воображении какой-нибудь ландшафт, нарисованный им карандашом черне, этюд приносил к одному из покровительствуемых им юных талантов, прося его написать масляными красками небо, с которым будто бы сам Свинын не мог совладать, потом другого художника просил написать землю и зелень, третьего — деревья, четвертого — воду и т. д. Составленный таким образом пейзаж выдавал он за свое произведение и выставлял на нем в уголке свое имя с обычным «pinxit».⁶³ В качестве литератора и журналиста поступал он тоже особенным образом, непрестанно, для каждой книжки своего журнала (а выдавал он их, кажется, 12 в год), создавал какого-нибудь русского гения-самоуч-

⁶¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 27.

⁶² Там же, л. 31.

⁶³ «написал» (лат.).

ку, который будто бы по особенному понятию делал величайшие открытия по всем частям человеческого знания.⁶⁴

Для достижения своих целей Свиньин нередко привлекал не имеющих жизненного опыта молодых людей, поскольку зрелые личности легко могли почувствовать подвох, да и репутация Свиньиного жреца была им хорошо известна. Наверняка не без личной выгоды он поддерживал контакты и с юными читателями своих сочинений. В 1811—1813 годах Свиньин состоял секретарем в русском консульстве в Филадельфии и по возвращении на родину поделился своими впечатлениями о Северной Америке с соотечественниками.⁶⁵ Вдохновившись рассказами Свиньиного и других авторов об Америке, двое юношей из провинции решили перебраться за океан. Сначала они вступили в переписку со Свиньиным, а осенью 1829 года, скрывая место своего пребывания — указав Вязьму, обратились с письмом и в редакцию «Северной пчелы». В этом письме были наполненные юношеской непосредственностью строки:

Несколько молодых людей, испытавших превратности щастия, желали бы поселиться в Америке... Мысль конечно очень дерзкая, но при всем том она хорошо обдумана; и мы, имея довольно способов к отправлению в те страны, с помощью духа предприимчивости и трудолюбия почти не сомневаемся, что время увенчает наш проект.⁶⁶

Юноши сетовали на то, что в прочитанных книгах о Северной Америке они «нигде не могли найти полного удовлетворения своим вопросам: каким образом выходцы из разных государств находят в сих колониях себе работу? Чрез какое право получают они в Вест-Индии землю? Всякому ли дозволено там селиться? Нет ли различия в нациях? Достаточно ли к сему предприятию знания одного только английского языка?»⁶⁷ Молодые люди просили напечатать в «Северной пчеле» «хотя небольшую статейку о способах поселения в колониях Нового Света».⁶⁸

---

⁶⁴ *Свербеев Д. Н.* Мои записки. М., 2014. С. 151—152 («Лит. памятники»).

⁶⁵ См.: *Свиньин П. П.* 1) Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб., 1814; 2) Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свиньиного. СПб., 1815. Второе издание — СПб., 1818.

⁶⁶ Цит. по: *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. 2-е изд., доп. // *Николюкин А. Н.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2022. Т. 1. С. 142.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 142—143.

Издатель газеты Ф. В. Булгарин незамедлительно передал письмо в III Отделение. Возглавлявший его А. Х. Бенкендорф приказал учинить расследование, в ходе которого дознались, что письмо написали семнадцатилетний мальчик-конторщик из Осташкова Константин Гречников и его приятель восемнадцатилетний Николай Пыпкин. Свињин, посвященный в планы отъезда юношей на американский континент, обещал оказать им свое содействие. В донесении агента III Отделения И. В. Кобервейна сказано:

Пришедши ко мне, первый вопрос Гречникова был: «Позвольте спросить об здорoвии П. П. г-на Свињина! Я ему писал и просил его не справляться по моим вопросам у Минист-ва внутр. дел, ибо не стоит того, я уже решилсЯ весной отправиться в Крым!»⁶⁹

Для Свињина эта история заканчивается без последствий, а несостоявшееся переселение двух юношей в Америку невольно приходит на память при чтении рассказа А. П. Чехова «Мальчики» (1887).

Стоит отметить, что владелец «Русского музеума» пытался продать свою коллекцию и ранее, но безуспешно. Когда 2 июня 1832 года он обратился с письмом к Уварову, на тот момент товарищу министра народного просвещения, предлагая приобрести собрание, последний вынес резолюцию: «Ответить что ни для себя, ни для Министерства теперь невозможно купить его коллекцию».⁷⁰ Подлинность некоторых предметов из собрания Свињина многими ставилась под сомнение. В этой связи в «Северной пчеле» появилась шуточная заметка о проходивших торгах.⁷¹ Пушкин интересовался антикварными аукционами, не упуская возможности увидеть находившиеся в частных собраниях произведения искусства, редкие книги и рукописи. Так, будучи в Москве, он сообщил жене в письме от 10 декабря 1831 года, что побывал на аукционе, на котором распродавалось богатейшее собрание картин, гравюр, книг и рукописей из коллекции А. С. Власова (XIV, 246). Без сомнения, Пушкин не пропустил и аукцион по продаже «Русского музеума».

⁶⁹ *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США. С. 143.

⁷⁰ Переписка П. П. Свињина с С. С. Уваровым и А. А. Закревским // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Вып. 2—3. С. 82—83.

⁷¹ В. В. В. [Строев В. М.] Продажа Русского Музеума // Северная пчела. 1834. № 87. 17 апреля. С. 345—347.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024